

Труженик театра

Рассматривая семейную фотографию, внучка моего друга спрашивала: — Дедушка, неужели это ты? И ты тоже был таким маленьким, как я? И, как и я, ходил в детский сад? А почему не ходил ты в детский сад? А почему не было тогда детского сада у тебя? А почему...

И поспыпалась тысяча детских «почему»? Мы дивились и весело смеялись наивным и, порою, каверзным вопросам, и не всегда могли удовлетворить ее законное любопытство, потому что не только пятилетней крошке, но и нам, «дедам», трудно было восстановить облик Еревана, каким он был в пору нашего детства, пятьдесят лет назад...

Маленький, сонный губернский городок, с городовыми и полицейскими, с чиновным и служилым людом и даже с резиденцией губернатора. Самое большое здание — красно-кирпичный собор, как символ царского владычества, и поблизости — мечеть, остаток поверженного в прах персидского господства. Всюду глинобитные дома. В городе несколько двухэтажных зданий из мрачного черного камня казались верхом совершенства архитектурного искусства и являлись предметом восхищения горожан.

Не было ключевой воды, не было канализации и самодержавно царствовала малярия, которой болели почти все поголовно. Не было достаточно школ и больниц, и были непролазная грязь и пыль, и болезни. Не было электричества в домах и на улицах и были «чиновнический» клуб и картежная игра...

Воспоминания разворачивают великое множество самых разных картин — грустных и уродливых, и если они дали вам некоторое представление о Ереване тех лет, я хочу ввести туда моего героя.

1914 год, канун Первой империалистической войны. Как ни далек Ереван от столицы Российской империи, но и он скоро ощутит дыхание надвигающихся событий. Скоро стечутся сюда беженцы,

спасшиеся от турецкой резни, скоро возникнет добровольческое движение на фронт в помощь русским войскам, сражающимся на Кавказском фронте. Ни о каком театре не было, тем более теперь не могло быть, речи.

В город входит новый его гражданин, чтобы отныне навсегда связать свою судьбу с Ереваном. Статный молодой человек, с живыми, жадно-любопытными глазами и роскошной копной черных кудрявых волос на непокрытой голове. Это Давид Гулазян, один из интереснейших деятелей армянского театра советской поры. Он не столь заметен и прославлен, как выдающиеся артисты армянской сцены, но вклад его в наше театральное строительство значителен и нуждается в пристальном внимании.

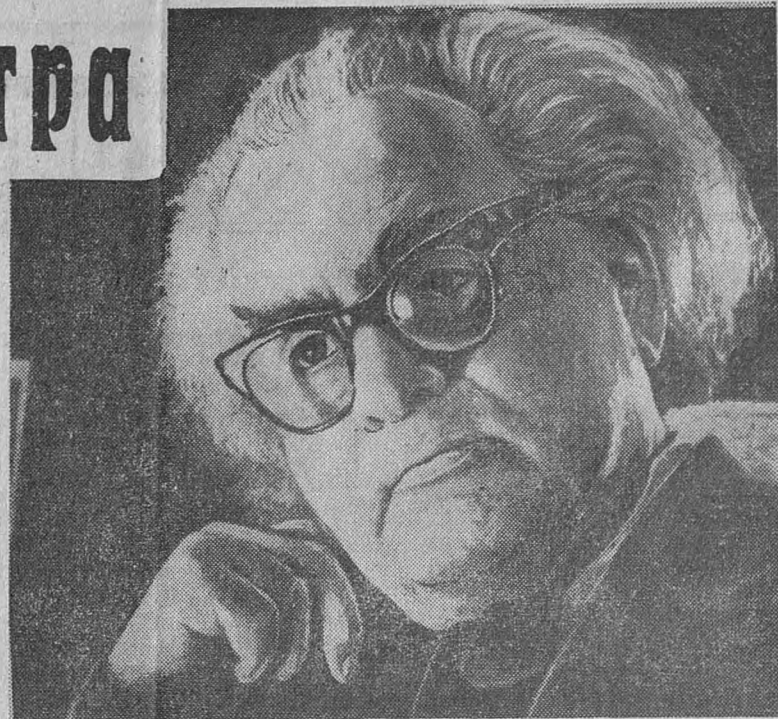
В ранней юности пристрастившись к театру, Гулазян начал свою актерскую карьеру с бесплатных спектаклей для городской бедноты и ремесленного люда окраин. Позже он играл на сцене, исключая великого Адамяна, со всеми выдающимися актерами, в том числе и с несравненной Сирануш.

За распространение революционных листовок среди театральной рабочей аудитории он успел просидеть несколько месяцев в Метехской тюрьме. Неоднократно бывал привлекаем к ответственности за организацию запрещенных полицией спектаклей в рабочих аудиториях. Десятки сыгранных ролей, гастроли с товарищами по городам Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, России.

Умудренный актерским и театральным-организаторским опытом, Давид Гулазян, в составе группы Ованеса Абеяна, приезжает в Ереван.

Молодым людям, живущим в нашей столице, одним из самых красивых и самобытных по национально-архитектурному облику городов, с феерической перекличкой нежно-акварельных тонов армянского туфа, трудно представить себе дореволюционный Ереван. Также трудно, да и не хочется рассказывать о скудности духовной и культурной жизни тех лет. Но еще труднее в небольшой статье говорить о значительном вкладе тех наших сограждан, которые всеми силами способствовали расцвету театральной культуры.

Как и пятьдесят лет назад, по

городу горделиво шагает все тот же, неиссякаемо молодой, 82-летний Давид Гулазян, с белой кипенью роскошной, буйной шевелюры на непокрытой голове. Сквозь толстые стекла очков улыбаются его живые, добрые глаза. Много поработал он во славу города.

От руководства многими театральными кружками он переходит на работу с группой артистов Зарифяна и с ними организует первые выездные спектакли по деревням и селам Армении. Гулазян один из организаторов профсоюза Рабис, он активный организатор и участник агитгруппы харазьяновского «Театра ревкома». Он собственными руками разрушал и перестраивал печальную память дашнакский парламент и налаживал жизнь коллектива первого Государственного театра в качестве его главного администратора.

Это было в самые первые дни установления Советской власти в Армении. Молодежь знает об этих днях лишь понаслышке. Это были трудные дни. По городу еще бродили истощенные голодом беспзорные дети. Компартия и правительство Армении напрягали все силы, чтобы скорее покончить с разрухой и голодом — наследием дашнакского господства. Народ, его интеллигенция создавали новую, советскую культуру на голом месте. Трудился со всеми и Давид Гулазян.

Вскоре мы видим его организатором «Революционного театра»,

вслед за ним — «Рабочего передвижного театра». Здесь он создает группу способной молодежи, нечто вроде театральной школы, где преподаются основы актерского мастерства. Гулазян организует первые детские спектакли, которые явились добрым семенем, из которого вырос нынешний ТЮЗ.

Наш Гулазян многие годы активно работает в Армянском театральном обществе и по сей день ведет активную общественную работу в музее литературы и искусства.

Этот неутомимый человек и страстный театральный деятель неоднократно бывал награжден почетными грамотами и удостоен звания заслуженного артиста республики...

Его неиссякаемый оптимизм, благожелательность и внимание к товарищам, воля и упорство в труде помогали ему преодолевать бесконечное число трудностей и, порой незаметно, всегда скромно творить свое благородное дело.

Почет ему и любовью! Воистину почтенен этот 82-летний юноша!

Те из наших товарищей, которые присутствовали при разговоре моего друга с внучкой, поручили мне написать о нашем всеобщем любимце Давиде Гулазяне и его 50-летнем труде в театральном строительстве Еревана. И я не скрываю, что пишу об этом с особым удовольствием.

Сурен КОЧАРЯН.